

УДК 1 (091): 321
ББК 87.3 (03): 66.1 (03) –195
ЮЗ(0)З: Ф1 (0)З–195

Дмитрий Борисович Поляков,
аспирант,

Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail: poldmit89@mail.ru

Протоанархизм в политическом сознании древности

Роль, которую играют различные идеологии и концепции в политическом дискурсе современности, имеет большое значение для понимания многих процессов, характеризующих сегодняшнюю социально-политическую реальность. Немаловажным является и анализ оснований этих идеологий и концепций в историко-философском контексте, поскольку такой анализ указывает на преемственность социально-политических проблем, а значит – позволяет лучше распознать их сущность и, возможно, предугадать их нежелательное появление.

Статья раскрывает предпосылки возникновения в философских системах Древнего мира такого социально-политического учения, как анархизм – теории бесклассового и безгосударственного общества, основанного на началах взаимопомощи и самоуправления. Если древняя мысль, апеллирующая к позитивному образу государства как основе общественного порядка, изучена достаточно глубоко, то мысль, умаляющая роль государственности или полностью её отрицающая – явление, на взгляд автора, малоизученное или же недостаточно анализированное с точки зрения изучения социальной философии анархизма. В статье рассматриваются наиболее значимые с точки зрения рассматриваемой темы философские концепции и социальные теории отдельных мыслителей Древнего Востока и Античности. Кроме того, раскрывается роль анархизма (протоанархизма) в политическом сознании древности, а также даётся представление о системе политического сознания как такового.

Ключевые слова: анархизм, протоанархизм, политическое сознание, даосизм, софизм, кинизм.

Dmitry Borisovich Polyakov,

Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672029)
e-mail: poldmit89@mail.ru

Proto-Anarchism in the Political Consciousness of Antiquity

The role played by the different ideologies and conceptions in the political discourse of modernity has a great importance for the understanding of many processes that characterize today's socio-political reality. Is important also the analysis of the foundations of these ideologies and conceptions in historic-philosophical context, because this analysis points to continuity of socio-political problems, and so – makes it easier to recognize their essence and perhaps to predict their unwanted appearance.

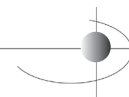
The article reveals the preconditions for the emergence of such social and political doctrine as anarchism – the theory of a classless and stateless society based on the principles of mutual aid and self-government – in the philosophical systems of the Ancient world. If the ancient thought appealing to positive image of the state as to the basis of social order is studied deeply enough, the thought diminishing the role of state or completely denying it is, according to the author, a scantily or insufficiently analyzed phenomenon in terms of learning the social philosophy of anarchism. The article examines the most important philosophical concepts and some of the theories of individual thinkers of the Ancient East and the Antiquity from the point of view of the topic. There is explored role of anarchism (proto-anarchism) in the political consciousness of antiquity and also given an idea about the system of political consciousness as such.

Keywords: anarchism, proto-anarchism, political consciousness, Taoism, Sophism, Cynicism.

История социально-политических и правовых учений насчитывает уже не одну тысячу лет. Можно с уверенностью сказать, что истоки проблемы устройства общества, его функционирования могут быть отнесены к истокам общества как такового, что в свою очередь позволяет нам проследить первичные формы многих социальных учений современности. Однако немаловажным является вопрос об общей системе социаль-

но-политических представлений и оценок, в рамках которой и существуют все эти учения. Наиболее оптимальной в данном случае нам представляется модель биполярной системы политического сознания, разработанная отечественными учёными Л. С. Мамутом и С. Ф. Ударцевым.

Мамут отмечает: «Политическое сознание – сложное, многомерное общественное явление. Его психический субстрат составля-

ют знания, переживания, оценки, интеллектуальные структуры, мыслительные операции и т. п., ориентированные на сферу политических отношений и институтов, норм, ролей, процессов. Во всех психических компонентах политического сознания так или иначе преломляется и получает выражение стоящий перед ним, духовно осваиваемый людьми мир политики» [6, с. 11]. Это определение мы можем дополнить точкой зрения Ударцева, согласно которой политическое сознание – «это динамичная эволюционирующая система с биполярной внутренне сложной структурой, включающей два типа политического сознания – этатизм и анархизм, имеющих сложный динамичный спектр течений. Данная система эволюционирует и как некая целостность, и в форме эволюции типов и течений внутри них, и вместе с макросистемами, в которые она входит (“общественное сознание”, “сознание”, “общество” и т. д.)» [9, с. 47].

Общее определение Мамута, относящееся к политическому сознанию как таковому и уточняющее определение Ударцева, выявляющее типы этого сознания, применимы в контексте нашей работы и к социально-философским построениям древности, поскольку, как и было отмечено выше, политическая проблематика (и отношение к институту государства, в частности) играла важную роль в различных философских системах Древнего мира. Особенно актуальным нам представляется рассмотрение феномена анархистского типа политического сознания, поскольку, во-первых, положительные оценки, признание и даже апология государственности, подразумевающие этатизм, изучены и известны достаточно широко, и социально-философские построения Конфуция, легистов, Платона, Аристотеля и др. оставляют в этом мало сомнения. Во-вторых, расширение и усиление государственного вмешательства в различные сферы современной общественной жизни, порождающие появление разного рода антиглобалистских, экологических и, в целом, противоправительственных движений (в том числе радикального толка) – всё это фиксирует значительный интерес к анархизму, как к наиболее ярко выраженному образцу протестного мировоззрения.

Исторические корни анархизма восходят к тому же времени, когда в обществе появились первые зачатки государственности. «Можно предполагать, – отмечает Ударцев, – что ранние идеи с ценностно-негативным отношением к государству и закону возникали как идеализация прежнего родоплеменного

строения, память о котором сохранилась в общественном сознании; а с другой стороны – как спонтанно возникающее у некоторых групп населения в социально напряжённых ситуациях отношение к государству, его конкретным представителям и органам, включённым в механизм эксплуатации и угнетения в рабовладельческом и феодальном обществах» [9, с. 40]. Наряду с формированием этатистского типа политического сознания (и, можно добавить, политического сознания как такового), формируется и противоположный полюс восприятия политических процессов, заключающийся в отрицании необходимости государственного регулирования общественной и индивидуальной жизни, а также, возможно, в этическом неприятии института рабовладения, связанного именно с государственно-иерархической структурой общества.

Анархизм в целом, в многообразии различных своих определений, может быть понимаем нами как социально-политическое учение, рассматривающее отношения власти в обществе, выраженные главным образом в институте государства, как коренные причины эксплуатации и социально-экономического неравенства, а потому подлежащие упразднению. Для дальнейшего рассмотрения анархистского типа политического сознания мы будем использовать термин «протоанархизм»¹, предложенный П. В. Рябовым – одним из ведущих исследователей и участников современного анархического движения в России. Стоит отметить, что этим термином подчёркивается не стройная и последовательная система представлений и принципов, а скорее совокупность отдельных элементов анархизма, подчас разрозненных, присутствующих в том или ином философском учении.

Поскольку, согласно ряду учёных (например, П. В. Алексеева, А. В. Панина), философия как таковая возникла в странах Древнего Востока, то и первичные негативно-оценочные суждения по отношению к миру политики следует искать в философских школах этих стран. И в качестве первого образчика протоанархической мысли здесь можно выделить даосизм – одно из двухглавных течений древней китайской философии, наряду с конфуцианством. В основных трактатах даосизма «Дао дэ цзин» и «Чжуанцзы» изложены не только этические принципы следования великому дао, первоначально всего сущего, и его вечному Пути, но в соответствии с ними прослеживается и социально-политическая

¹ Приставка *прото* с греческого языка означает «первичный, первоначальный».

сторона этих принципов. Отметим, что ни Лао-цзы, ни Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы)¹ не призывали к ликвидации существовавших тогда институтов власти. Напротив, в их сочинениях всегда присутствует образ идеального правителя, как материального олицетворения или земного образа дао. Но если учесть, что основным принципом даосской философии является не-деяние, как допущение естественного, природного течения порядка вещей, как невмешательство в процесс функционирования дао (которое и есть «глубокая основа всех вещей»), то становится очевидной вполне анархическая, вернее, проанархическая составляющая даосизма. Так, у Лао-цзы мы читаем: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует» [3, с. 33], «Государь и советники хотя и имеют драгоценные камни и могут ездить на колесницах, но лучше будет им спокойно следовать дао» [3, с. 78]. Полемизируя с конфуцианцами и легистами, даосы отрицали так же разного рода обрядовость и устанавливаемые искусственные нормы поведения, порождающие лицемерие и преступность: «Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников» [3, с. 73], «[в ритуале] – начало смуты» [3, с. 54] и т. д.

Ещё сильнее и более развёрнуто проанархические мотивы звучат в притчах трактата «Чжуанцзы», в которых подвергнуты радикальному переосмыслению многие общепринятые представления древнекитайского общества. Цивилизация, общество, культура, а вместе с ними и государство – всё это силы, стесняющие естественное существование личности, её развитие и независимость. В одной из таких притч говорится о царе, пославшем гонца с подарками к даосу Яню. В заключение говорится: «Подобные Яню искренне ненавидят богатство и знатность. Недаром говорят: “Истина Пути в том, чтобы совершенствоваться самому, всё остальное лишь сор – и управление царством, и управление Поднебесной”. Вот почему мудрый считает бесполезными заслуги предков и древних царей, они не нужны ни для самосовершенствования, ни для сохранения жизни» [10, с. 300].

Неоднократно говорится и о развращающем характере власти, которая превращает её носителей в разбойников и тиранов, обличаются мудрецы, восхваляющие могущество правителей (конфуцианцы, легисты,

¹ Авторы указанных трактатов, существование которых, или как минимум авторство которых, является предметом научных дискуссий.

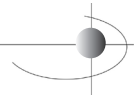
моисты). Противопоставляется всему этому элементарная жизнь в первозданной природе: «Некто звал Чжуанцзы к себе на службу. Чжуанцзы так ответил его посланцу: – Видели вы жертвенного быка? Как наряжают его в узорчатые ткани, как кормят травой и бобами! Но вот его поведут, и он вступит в храм предков. Сможет ли он снова стать вольным телёнком, как бы ему этого ни хотелось?» [10, с. 349–350].

Теория анархизма сложилась по преимуществу из европейской философской традиции, восточный протоанархизм не был востребован и существенного влияния на становление анархизма не оказал. «На Востоке же, – отмечает Е. А. Ежова, – анархизм не сложился в самостоятельное направление общественной мысли потому, что особенности азиатского способа производства и деспотичная государственность, как представляется, не создавали для этого естественноисторических материальных и духовных предпосылок» [4, с. 217]. Хотя анархическое движение в Китае и Японии в начале XX века имело немалое распространение, но оно было основано главным образом на концепциях российских и европейских теоретиков.

С большей очевидностью протоанархические идеи можно обнаружить в античной традиции. Здесь биполярная система политического сознания была выражена более наглядно – этатизм Платона, Аристотеля и Цицерона вполне отчётливо оттенялся идеями представителей таких известных философских школ, как софизм и кинизм.

Виднейший советский историк С. Я. Лурье ещё в 20-х годах XX века предпринял попытку систематизировать взгляды одного из греческих софистов – Антифонта Афинского, жившего в V веке до н. э. В результате на свет появилась книга с говорящим для нас названием: «Антифонт – творец древнейшей анархической системы». Согласно Лурье, Антифонт жил в ту эпоху, когда аристократический государственный идеал уступал место новому, демократическому, но не менее лицемерному, поскольку представлял собой господство богатых ремесленников и ловких дельцов. Однако софист противопоставил всему этому свой собственный идеал: «его главной задачей, – пишет Лурье, – и было показать ничтожество старой филономической»²

² По Лурье (который в плане терминологии ссылается на Ф. Ф. Зелинского), «нравственный принцип, видевший объект нравственного чувства прежде всего и главнее всего в государственной общине, полисе и его подразделениях», противопоставляется онтономической нравственности, ориентированной на права и интересы человека.

нравственности и дать читателям практический рецепт, каким образом по возможности эмансипироваться от государства и осуществить автономный жизненный идеал. Мы имеем перед собой, таким образом, древнейшую анархическую систему» [5, с. 43].

У Антифонта, как и у китайских даосов, прослеживается чёткое разграничение между естественными законами и законами искусственными, надуманными, навязанными, которые освящаются религией и получают правовую основу. Идея справедливости подчинена такому закону, а последний всегда есть прерогатива сильных мира сего. Антифонт говорил: «Справедливость есть не что иное, как соблюдение всех законов того государства, гражданином которого состоишь. В таком случае, наиболее полезное употребление из справедливости сделает тот человек, который при наличии свидетелей будет ставить высоко законы, в отсутствии же свидетелей – веления природы. Действительно, веления законов надуманы, тогда как веления природы присуща внутренняя необходимость... Действительно, на самых наших глазах начертаны законы о том, что надлежит им видеть и чего не надлежит; на языке – что надлежит ему говорить и чего не надлежит... Однако то, что определяется как полезное в законах – пути человеческой природы, тогда как то, что полезно в силу природы, ведёт к свободе» [5, с. 64–66]. Указывает Антифонт и на право сильного в судебных разбирательствах и отсутствие поддержки обвиняемым, даже если они очевидно невиновны. И всё это от той же надуманности и искусственности устанавливаемых законов.

Интересным, однако, представляется то, что свобода для Антифонта – это в первую очередь личная свобода. Его «софистика» заключалась в необходимости овладеть знаниями права и судопроизводства, чтобы использовать государственные институты в личных интересах (например, чтобы избежать наказания). К разрушению государства как таковому ни Антифонт, ни другие «учителя мудрости» не призывали. Но, как отмечает Мамут, «софистические понятия сделанного, рукотворного, условного, с помощью которых осмысливалась проблема происхождения государства, легитимности его власти, действительно сильно повлияли на выработку античного варианта анархистского типа политического сознания» [6, с. 93].

Всё вышесказанное об Антифонте в принципе можно отнести и к школе киников с той лишь разницей, что в своих суждениях

(как и в образе жизни) они были последовательнее и, как следствие, радикальнее. Как отмечал известный исследователь кинизма И. М. Нахов, «Отрицание пронизывало все стороны учения киников, краеугольным камнем которого была сформулированная ещё софистами антитеза “природа – закон”, имеющая универсальный морально-политический смысл» [7, с. 100]. Неприятие киниками действительности отражалось на двух уровнях. На одном из них киники отрицали всё, что, по их мнению, было враждебно человеческой природе и первым в этом ряду было именно государство со всеми своими институтами и представителями; на втором уровне – современный им человек со всеми теми слабостями и пороками, что порождены первым уровнем. Поэтому-то и идеал свой они усматривали в максимально возможном отказе от всяческих атрибутов такой ограниченной жизни, утверждалось независимое и самодостаточное существование (автаркия) вне рамок искусственных установлений.

Основатель школы киников Антисфен подобно Антифону и с таким же антигосударственным пафосом обличает существующие законы, принятые лишь для поддержания определённой группы людей: «законодательство по необходимости устанавливается в интересах людей, равных как по рождению, так и по могуществу. Для таких людей законы не пишутся: они сами себе законы. И был бы смешон тот, кто пытался бы писать для них законы» [1, с. 110]. Не проводя никакой разницы между богатыми и бедными, между свободными гражданами и рабами, Антисфен первым стал носить одежду, ставшую «визитной карточкой» поздних киников: короткий плащ на голое тело, нищенская сума и посох.

Однако наиболее известной фигурой в среде киников принято считать, конечно же, Диогена Синопского, ученика Антисфена. Известен он, прежде всего, своим эпатажным поведением и бесцеремонностью в обращении с представителями всех слоёв греческого населения. «Услышав спор двух законников, он обругал обоих. “Один из вас у другого украл, а тот ничего не потерял”» [1, с. 154]. Диоген, утверждая превосходство добродетели над законами государствами, порицал веру в богов и ясновидение, считал относительными всякие авторитеты и нормы морали, отрицал собственность и призывал жить в согласии с природой и не иметь больше того, что нужно для такой жизни. Весьма спорным, но довольно интересным является утверждение В. А. Савченко о том, что киническая

философия Диогена легла в анархо-индивидуалистическую концепцию немецкого мыслителя XIX века Макса Штирнера [8, с. 245].

Среди других киников, отличавшихся явной протоанархической направленностью философствования, можно выделить Кратета, Керкида, Диона и др. Киническая школа просуществовала до VI в. н. э., беспрестанно критикуя идею всякой государственности, выражая настроения социальных низов и оказывая влияние на другие философские школы, например стоиков (и Зенона, в частности).

Из других памятников литературы протоанархической направленности можно выделить утопический роман древнегреческого автора Ямбула «Остров солнца» (III в. до н. э.), сохранившийся лишь во фрагментах. В романе описывается путешествие автора на некие острова вблизи экватора, на которых отсутствует централизованная государственная власть, заменённая федеративным принципом автономных общин по несколько сот человек. «В утопии Ямбула, — отмечает В. А. Гуроров, — нельзя найти никаких упоминаний о полисных институтах: на «островах Солнца» нет гимнасиев и храмов, поскольку физическое совершенство дано гелионеситам от природы, а для почитания небесного свода и звёзд не нужны ни особый культ, ни специальные помещения. Суды также не нужны вследствие царящего среди гелионеситов согласия» [2, с. 239]. Как мы видим, традиция европейского утопического романа (Т. Мор, Т. Кампанелла) имеет своими корнями древнегреческую прозу (хотя и не в отношении

проблемы анархизма и этатизма, ведь, как известно, в утопиях Мора и Кампанеллы общественная жизнь строится на основах справедливой государственности).

Таким образом, анархистский тип политического сознания в своём противопоставлении этатизму проявляет себя не только во время формирования последовательно развитых политических концепций. Проблема власти и подчинения, принуждения и свободы, естественности и искусственности юридического закона имела своё место и в умах древнейших мыслителей и даже религий, таких как христианство («Послание к Римлянам» – «Откровение Иоанна Богослова») и зороастризм (сасанидская ветвь – манихейство). Казалось бы, даже такая консервативная религия, как ислам, имеет при ближайшем рассмотрении указанную полярность политического восприятия (шиизм – суфизм). Протоанархизм в дальнейшем выражался так же во многих учениях и движениях Средневековья и Нового времени: это и многочисленные еретические учения, и утопические проекты отдельных писателей и мыслителей, и целые рабочие и крестьянские движения.

Ещё раз подчеркнём, что протоанархизм не представляет собой чёткой последовательной системы взглядов на государство и общество, на анархизм как таковой с присущими ему устоявшимися принципами и положениями. Это лишь элементы тех идей и оценок, которые впоследствии, в XIX веке, оформятся и войдут в число разнообразных социально-политических концепций под именем анархизма.

Список литературы

1. Антология кинизма. Антисфен. Диоген. Кратет. Керкид. Дион. М.: Наука, 1984. 398 с.
2. Гуроров В. А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 288 с.
3. Дао дэ цзин / пер. и прим. Ян Хин-Шуна. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 144 с. (Азбука-классика. Non-Fiction).
4. Ежова Е. А. Духовные истоки философского анархизма, этапы его развития и проблема определения // Вестник МГТУ. Т.7. №2. 2004. С. 217–225.
5. Лурье С. Я. Антифонт – творец древнейшей анархической системы / вступ. ст. Д. И. Рублёва. Изд. 2-е, доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 168 с. (Размышляя об анархизме).
6. Мамут Л. С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания (домарксистский период). М.: Наука, 1989. 256 с.
7. Нахов И. М. Философия киников (Из истории мировой культуры). М.: Наука, 1982. 224 с.
8. Савченко В. А. Знаменитые анархисты и революционеры / В. А. Савченко; худож.-оформитель О. Н. Иванов. Харьков: Фолио, 2014. 380 с. (Знаменитые).
9. Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. М.: Высшая школа права, Форум, 1994. 382 с.
10. Чжуанцзы / [пер. с кит. Л. Позднеевой; предисл. Е. Торчинова]. СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2013. 367 с. (Серия «Мудрость веков»).

References

1. Antologiya kinizma. Antisfen. Diogen. Kratet. Kerkid. Dion. M.: Nauka, 1984. 398 s.
2. Gutorov V. A. Antichnaya sotsial'naya utopiya: Voprosy istorii i teorii. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1989. 288 s.

3. Dao de tszin / per. i prim. Yan Khin-Shuna. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 144 s. (Azbuka-klassika. Non-Fiction).
4. Ezhova E. A. Dukhovnye istoki filosofskogo anarkhizma, etapy ego razvitiya i problema opredeleniya // Vestnik MGTU. T.7. №2. 2004. S. 217–225.
5. Lur'e S. Ya. Antifont – tvorets drevneishei anarkhicheskoi sistemy / vstup. st. D. I. Rubleva. Izd. 2-e, dop. M.: LIBROKOM, 2009. 168 s. (Razmyshlyaya ob anarkhizme).
6. Mamut L. S. Etatizm i anarkhizm kak tipy politicheskogo soznaniya (domarksistskii period). M.: Nauka, 1989. 256 s.
7. Nakhov I. M. Filosofiya kinikov (Iz istorii mirovoi kul'tury). M.: Nauka, 1982. 224 s.
8. Savchenko V. A. Znamenitye anarkhisty i revolyutsionery / V. A. Savchenko; khudozh.-oformitel' O. N. Ivanov. Khar'kov: Folio, 2014. 380 s. (Znamenitye).
9. Udartsev S. F. Politicheskaya i pravovaya teoriya anarkhizma v Rossii: istoriya i sovremennost'. M.: Vysshaya shkola prava, Forum, 1994. 382 s.
10. Chzhuantszy / [per. s kit. L. Pozdneevoi; predisl. E. Torchinova]. SPb.: Amfora, TID Amfora, 2013. 367 s. (Seriya «Mudrost' vekov»).

Статья поступила в редакцию 17.03.2015